

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

POSSEV

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire politique et social en langue russe. Allemagne

СВОБОДУ ТРУШНОВИЧУ!
СВОБОДУ ЕЛЕНЕ ХОХЛОВОЙ!

За право народа жить по совести!

Адрес редакции и издательства: Verlag „Possev“ - Frankfurt/Main, Medienstraße 11 a
Представительство редакции в Берлине: „Possev-Vertretung“ - Berlin-Grünwald, Hohenzollerndamm 33-35

Выходит по воскресеньям

Цена отдельного номера в розничной продаже 70 пф.

X ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 АПРЕЛЯ 1954 г.

№ 17 (415)

Христос Воскресе!

Поздравляем всех читателей и сотрудников со Светлым праздником
Воскресения Христова

ВЕРА!

Весна. Потянулись к солнцу первые клейкие листочки, зазеленела земля, заголубело небо. Воздух пьянит — и у птицы, и у зверя, и у человека растут крылья. Так и тянет — распустил их по ветру и лететь, лететь... Не все ли равно куда? Ветер знает — ветер и принесет куда надо. Весна. Когда вдруг сердце становится самым главным и его слушаешь, забывая всё остальное — мысль, разум, рас-судок. Все различимее, все слышнее гулы, все отчетливее музыка внешне такой немой природы. Вот-вот кажется и самые камни загов-орят, закричат о весне, о радости. Недаром сказано: «камни возопи-ют». «Если вы замолчите». Но весной все поет, и кричит, и радуется — радость и в камнях, будто меняется цвет их, что-то в них другое, что-то в них новое — это, наверное, природа вдохнула в них, если и не ду-шу, то что-то вроде, живой дух живой земли.

И как не хочется теперь вспоминать о только что бывшем. Зачем думать о том, что вчера еще, что только несколько дней назад еще лед сковывал реки, еще в холодных объятиях смерти билась земля? Зачем вспоминать обо всем этом, если так ласкова зелень, если так звонко звенит вода, пробегая по ожившим руслам. И уж как не хо-чется думать о вчерашнем в радостном гомоне сегодняшнего рождения весны. Но, однако же, попробуем, заставим себя повернуть вспять, отойти несколько назад, вспомнить...

Тучами клубилось небо, земля замерзала. Казалось — конец, больше ничего не будет. Останется холодная пустыня, арктика, оста-нется продрогший, замерзший человек. Голая земля, голое небо, че-ловек... да разве это человек? Это, жалкое, что кое-как цепляется еще за жизнь остатками дыхания? Как могло не подкрадываться тогда к сердцу сомнение: а вдруг навеки это, а вдруг другого ничего никогда и не будет? вдруг больше не будет весны?

Почему же верили все же? Почему, преодолевая темное сегодня, с надеждой ждали расцветающего завтра? Откуда это знание и эта надежда? Почему даже, когда задержалась весна на дни и недели, когда по календарю должен быть апрель, а по погоде все еще февраль, и тогда не впадали в отчаяние, не ломали рук? Почему? Неужели все это только жалкая человеческая память, знающая меньше десятка тысяч лет? Неужели только потому не боялись, что знали: в прошлом году так было, и в позапрошлом, и тысячу лет назад? Одна привычка, несовершенное человеческое знание, не знающее почти ничего — и вот сколько мужества! А ведь могли вдруг измениться законы при-роды, земля могла сойти со своей орбиты, могло измениться враще-ние ее вокруг своей оси, да мало ли какими чудесами богата природа! Но об этом не думали, не задумывались. Знали: так было — так будет. Верили. Ведь верили же, иначе должны были бы задуматься: а вдруг не будет. Ну было, но ведь это же не гарантия. Верили: после страд-аний должна быть радость, после зимы не может не притти весна. И дождалась.

Даже обидно несколько становится. Насколько чудеснее могла бы быть весна, если бы ее не ждали, если бы приходила она неожиданно, если бы и выглядела для человека тем, что есть она на самом деле — великим чудом Воскресения. Самое чудо как будто поблекло не-сколько, потеряло свою изумительную, солнечную окраску. Немножко бы сомнений — ну совсем капельку. Наверное, ярче бы тогда было это неожиданное, было бы тем, что есть на самом деле: было бы непов-торимым, не неизбежным, каждый раз новым.

Однако, тут верить легко. По памяти. Было — будет. Не может не быть. Труднее, вероятно, было в первый раз, когда нужно было верить другому на слово, или еще хуже — верить собственному серд-цу. Сердцем смирить разум, поставить его на свое место. Сказать: ве-ра не для тебя, для тебя жалкое знание. Тебе здесь слова не дают. И сопротивляться, и побороть все его доводы, все эти: не доказано, не поверю, пока не доказано! «Нужно иметь мужество, чтобы верить!» — говорил Н. Бердяев. Огромное мужество. Иногда большее мужество — чем требуется для того, чтобы умереть. Нужно восстать не только против всех, но и против собственного рассудка, против собственной

логики, своего ума, свидетельства своих глаз. При такой вере можно многое и многое будет.

Еще есть полувера. Верю, но делать ничего не буду. А не буду потому, что опасуюсь. А вдруг да не так. Верю, конечно, но ва всякий случай — как бы не прогадать. Дескать, сначала лучше подожду: по-лучится — не получится. Выйдет — не выйдет. Я уж потом, когда все ясно станет. Тогда и присоединюсь. Да и какая польза от меня — я ведь человек маленький! При такой полувере не трудно и опоздать. И услышать тот же голос, что слышали мироносицы, пришедшие ко гробу на первый день Воскресения: «что ищите Живого с мертвыми?» И окажется, что чудо воскресения уже совершилось, но что таким гла-зам оно не видно.

Бывает боязливость в вере. «Верую, Господи, помоги моему неве-рию». И постоянное ожидание чуда, долженствующего подтвердить и подкрепить. «Не поверю пока не вложу персты в раны Твои». Здесь до-статочно чуть пошире раскрыть глаза, чуть сильнее напрячь зрение и вдруг увидится, что всё — чудо, нет ничего такого, что чудом бы не было.

Как знакомо это многим из нас. Как это на многих из нас похоже. А ведь сказано: «имейте веру с горчичное зерно и будете горами дви-гать». Есть неразрывная связь между верой, желанием и свершением. Сначала вера только в собственные силы, затем вера в правду, и, нако-нец, вера в Бога. Который правду видит... А если не говорит еще, то ведь не нам судить Его, не нам ставить сроки, не нам и подталкивать: «скорей, скорей, а то мы еще разочаруемся, да верить перестанем».

И, наконец, есть такая вера, с которой выходят на арену, с кото-рой смеются в глаза мучителю, с которой молятся за «не ведающих что творят». Эта вера мучеников и страстотерпцев, учителей и учеников. Ведущая на арену, на эшафот, на смерть и... на победу. При такой ве-ре и смерть и жизнь одинаково становятся путем в победу, в сверше-ние. Как богата такой верой наша родина сегодня. Сколько их — на-ших братьев и сестер — что в эти дни молятся горячо и глубоко! И ве-рят. И знают. В катакомбах, в тусклых своих избах, в бараках концла-герей, ждут, затаив дыхание. Ждут, потому что знают: не может не быть, не может не придти! После зимы весна неизбежна.

Разве страшно поражение при такой вере? Сегодня еще «их» тор-жество, еще темно, еще слышно смрадное дыхание смерти, а завтра... Ведь правда наша остается у нас. Ведь, если знаем мы свою правду и силу, заложенную в ней, то сможем и оказать себе и друзьям своим: «Да, сегодня мы проиграли, сегодня еще торжествует враг. Но завтра... Правда наша осталась у нас, она не стала кривдой только от того, что свет еще не принял ее. И Бог, Который правду видит, скажет Слово»... А что остается им, когда несут они поражение за поражением? Куда обратятся они и что скажут? Если есть у них вера в конечную победу, почему замалчивают они даже мелкие поражения свои? А если у них веры нет, то откуда же придет победа?

«Бог с дьяволом в мире борется и поле битвы — сердца людей». Разве можно поверить в окончательную победу тьмы? Кто может в это поверить? А если нельзя, то что остается им? Разве что жалкая надежда на то, что света нет.

По памяти, по опыту, по сердцу своему, даже в двенадцатом часу, во тьме и в отчаянии что тьма навеки, в отчаянии, что зиме не будет конца, в катакомбах и на аренах, гонимые и презираемые, в победе и в поражении, верим... Верим в то, о чем некогда пророчествовал преподобный Серафим Саровский и что предание народное донесло и до наших дней:

«Будет год, и в России среди лета запоют Пасху»!

А вера без дел — мертва!

А. Кашин

ОТ РЕДАКЦИИ

В последнюю минуту, когда «Посев» уже был набран, мы получили Пас-хальное послание Высокопреосвященного Анастасия, первоиерарха Русской Православной Церкви за границей. Послание будет нами опубликовано в сле-дующем номере «Посева».